
УДК 82.0
ББК 83.00
А 67

Анкудинов К.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: ankudinovkirill@rambler.ru

**К вопросу о содержании методологического концепта
«романтизм после романтизма»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается возможность и целесообразность использования научно-методологического концепта «романтизм после романтизма». Вскрываются философские корни романтизма как культурного явления (в частности, связанные с наукоучением И. Фихте), доказываемая, что романтизм является выражением определённого мировоззрения, способного существовать за пределами романтизма как конкретно-исторического направления. Выявляются базовые особенности романтического мировоззрения. Определяются перспективы применения концепта.

Ключевые слова:

Романтизм, концепт, мировоззрение, романтическое мировоззрение, романтизм после романтизма, фихтеанство, «Я», «Не-Я», конфликт, рефлексия.

Ankudinov K.N.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: ankudinovkirill@rambler.ru

**On the content of a methodological concept of
“romanticism after romanticism»**

Abstract:

The paper discusses an opportunity and expediency of using a scientific-methodological concept of “romanticism after romanticism”. The author shows the philosophical roots of romanticism as a cultural phenomenon (in particular, related to I.Fichte’s scientific doctrine) and proves that the romanticism is expression of the certain outlook, capable to exist as a specific historical direction outside romanticism. Also this work reveals basic features of romantic outlook and defines prospects of concept application.

Keywords:

Romanticism, concept, outlook, romantic outlook, romanticism after romanticism, I.Fichte’s scientific doctrine, “I”, “Not I”, the conflict, a reflection.

В научный обиход вошёл термин «романтизм», означающий «направление в искусстве (в частности, в литературе), ограниченное конкретными историческими рамками последнего десятилетия XVIII-первой половины XIX веков». Возможно ли расширить содержание этого термина, допуская существование «роман-

тизма вне романтизма», «романтизма после романтизма»? Некоторые литературные критики и учёные XIX и XX веков придерживались положительного ответа на этот вопрос. Так известный литературный критик тридцатых-сороковых годов XIX века **Виссарион Белинский**, относившийся к романтизму довольно неоднозначно, но всё же скорее позитивно, нежели негативно, посвятил вторую главу объёмной статьи «Сочинения Александра Пушкина» Карамзину, «карамзинскому периоду русской литературы, Дмитриеву, Крылову, Озерову, Жуковскому, Батюшкову и романтизму в целом. В этой главе В.Г. Белинский подробно рассматривает «вопрос о романтизме».

Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что В. Белинский всемерно расширяет содержание понятия «романтизм» и фактически ликвидирует его исторически-временные и даже концептуальные границы. «Романтизм – принадлежность не одного только искусства, не одной только поэзии: его источник в том, в чём источник и искусства и поэзии – в жизни. Жизнь там, где человек, а где человек, там и романтизм. В теснейшем и существеннейшем своём значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца. В груди и сердце человека заключается таинственный источник романтизма; чувство, любовь есть проявление или действие романтизма, и потому почти всякий человек – романтик» [1: 115].

В соответствии с этой натурфилософской (шеллингианской и гегельянской) установочной направленностью В. Белинский выстраивает свою прихотливую историческую концепцию романтизма. Он выделяет «восточный романтизм», «древнегреческий романтизм» («греческий романтизм»), «средневековый романтизм» и, наконец, «современный романтизм» (синтетический романтизм, объединивший в себе черты предыдущих романтизмов). «Романтизм нашего

времени есть сын романтизма средних веков, но он же очень сродни и романтизму греческому. Говоря точнее, наш романтизм есть органическая полнота и всецелость романтизма всех веков и всех фазисов развития человеческого рода: в нашем романтизме, как лучи солнца в фокусе зажигательного стекла, сосредоточились все моменты романтизма, развивавшегося в истории человечества, и образовали совершенно новое целое» [1: 127].

В советском литературоведении существовали различные точки зрения на допустимость использования концепта «романтизма после романтизма», в том числе, точки зрения, безусловно признающие данный концепт [2: 159 – 165]. Активной сторонницей концепта «романтизма после романтизма» была критик и литературовед Алла Киреева. Она утверждала следующее: «Отражая одну действительность, романтизм, как и реализм, классицизм и другие виды искусства, имеет собственную структуру и свою специфическую функцию, что по закону единства формы и содержания ведёт к целой системе специфических отличий в объекте изображения, типе творческих задач, структур образа и стиля. Это значит, что как относительно самостоятельные формы отражения жизни, обусловленные потребностями общественной практики, романтизм и реализм не противостоят и не подменяют друг друга. Они едины с точки зрения общественных задач формирования сознания читателя, зрителя. Поэтому романтизм и не может быть заключён в узкие рамки историко-литературного направления. Он появляется везде, где в нём есть потребность, но появляется, разумеется, в новых формах и в новом содержании, ибо диалектика развития не допускает повторений» [3: 57].

Начиная с шестидесятых годов XX века в советской поэзии возникает и набирает силу тенденция, имевшая место в двадцатые годы XX века и затем прервавшаяся на несколько десятилетий. Эта тен-

денция, безусловно, созвучна романтизму как конкретно-историческому литературному направлению конца XVIII – начала XIX вв.. Можно сказать, что эта тенденция является своеобразным аналогом романтизма как конкретно-исторического литературного направления. В течение полувека данная тенденция усиливается. Особой мощи она достигает в русскоязычной литературе после гибели советской системы и распада СССР – в девяностые годы XX века и – в наибольшей степени – в первое десятилетие нового, XXI века.

Присутствие в новейшей поэзии количественно мощного романтического пласта заставляет меня выделить из всей совокупности значений термина «романтизм» дополнительную коннотацию – романтизм как особое, специфическое **мировоззрение**. Замечу, что я далеко не первый, кто производит подобную операцию. В коллективной монографии «История романтизма в русской литературе. Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе» можно встретить следующее замечание: «Историки и социологи, например, давно оперируют представлением о романтизме как особом типе сознания и поведения. Восходящее к Гегелю и Белинскому, поддержанное И. Тэнном, оно не сразу было принято историками литературы, однако в последние годы всё чаще встречается в работах, посвящённых русскому романтизму. Безоговорочно принято оно было И.Ф. Волковым и с определёнными уточнениями Н.Я. Берковским, А.Н. Соколовым, Н.А. Гуляевым, Е.А. Майминым. Такое понимание романтизма, как видим, получило довольно значительное распространение. Это понятно: представление о романтизме как *типе сознания* (курсив авторский – К. А.) обладает для литературоведа определённой притягательностью – за ним видится путь к искомому и всё ещё недостижимому монизму в определении сущности романтизма» [4: 6].

От «особого типа сознания» до

«специфического мировоззрения» пролегает дистанция не очень большого размера. В коннотации «романтизм как мировоззрение» термин «романтизм» может быть применим как к литературным явлениям в рамках собственно романтизма (конкретно-исторического литературного направления), так и к тем литературным явлениям, которые пребывают вне хронологических границ собственно романтизма, – к явлениям литературы рубежа XIX-XX вв., **советской литературы**, современной литературы и даже, возможно, к некоторым литературным явлениям, которые возникли до формирования романтизма как такового.

Вопрос о «времени первого появления романтизма» в русской литературе не решён исследователями до сих пор. Однако для современной науки не вызывает сомнения периодизация явления романтизма **как такового** во всемирной литературе – в этом плане выявляются довольно чёткие хронологические вехи.

«Романтическое движение началось в 1790-х годах в Германии...» [5: 5]. Очень подробно этот временной момент рассматривается во вступлении к монографии ведущего советского исследователя немецкого романтизма Наума Берковского «Романтизм в Германии»: «Едва ли не весь ранний романтизм сводится к делам и дням иенской школы, сложившейся в Германии на самом исходе XVIII столетия. Она же, иенская школа, была и высшим расцветом романтики... Дом Августа Шлегеля в Иене стал местом романтических сборищ. Одни наезжали в Иену, другие жили там – в 1799 году в Иене поселились Тик и Фридрих Шлегель с Доротеей, ставшей его женой... В иенский круг вошли все романтики раннего призыва, кроме Вакенродера, скончавшегося уже в 1798-м, и Гельдерлина, находившегося в стороне от каких-либо литературных объединений» [6: 7 - 8].

Эти временные координаты возникновения романтизма как такового по-

зволяют определить философские предпосылки его возникновения. Создатели романтизма – его теоретики и идеологи братья Фридрих и Август Шлегели (и в особенной степени – Фридрих Шлегель). Концепция «романтизма» была всемерно направлена против господствовавшей несколько столетий в европейской литературе концепции «классицизма». Классицизм рассматривался его теоретиками и практиками как «возвращение к античности» (и, в определённой степени, как «повторная античность»). Однако античный мир рухнул, и на его месте образовались самостоятельные независимые государства с собственными самобытными культурами. По аналогии с этим Шлегели предрекали падение «повторной античности» («античности в сфере искусства») – то есть классицизма. По их мнению, на месте «повторной античности» должно будет явиться живое и самобытное «новое искусство» со всеми присущими ему чертами – свободой от догм, простотой, смелостью, неожиданностью и непредсказуемостью, самобытностью, народностью – «новый Провансаль» новых трубадуров, «новая Испания» нового Кальдерона и нового Сервантеса, «новая Италия» нового Данте.

Братья Фридрих и Август Шлегели были не только коллегами, собеседниками и друзьями немецкого философа Иоганна Фихте, но и поклонниками (и популяризаторами) его философских взглядов, убеждёнными фихтеанцами. В особенной мере это относится к Фридриху Шлегелю, в числе прочего, занимавшемуся философскими исследованиями и читавшему лекции по истории всемирной философии. Фридрих Шлегель полагал, что философия есть основа литературы и что ценность литературы определяется характером философских идей, лежащих в её базе. При этом Фридрих Шлегель пальму первенства в современной ему философии отдавал именно фихтеанской теории, не принимая даже довольно близкое ей кантианство.

Для культурософа-фихтеанца Фридриха Шлегеля становление постримских национальных государств (и подражающее ему становление романтизма) – не что иное, как **экстраполяция становления самополагающегося и самостановящегося «Я»**. Это – исходное звено в длинной цепи системы аналогий Фридриха Шлегеля. Таким образом, романтизм братьев Шлегелей – не что иное, как воплощённое фихтеанство.

В определённой мере к этому выводу пришёл британский исследователь из Оксфорда М. Х. Абрамс, рассматривавший романтизм при помощи теологических методологий. В монографии «Зеркало и лампа» Абрамс утверждает, что романтизм – это усвоение базовых иудео-христианских верований, при котором отношения между Создателем и созданиями переводятся в отношения между фихтеанским субъектом и объектом, «Я» и «Не-Я». М. Х. Абрамс заметил, что в романтизме «Агнец и Новый Иерусалим замещаются человеческой мыслью как женихом и природой как невестой» [7: 56].

Романтическое мировоззрение – мировоззрение, строящееся на рефлексии в связи с трагическим конфликтом «Я» и «Не-Я». Носитель романтического мировоззрения (романтик) – человек, постоянно занимающийся осмыслением данного конфликта и осознающий его антагонистичность и неразрешимость. Это положение можно проиллюстрировать высказыванием Ф. Н. Керашевой, исследовавшей характер героя в творчестве эталонного русского романтика М.Ю. Лермонтова: «У Лермонтова почти всегда с темой пути взаимодействуют и пересекаются мотивы свободы, рабства, любви, предательства, верности, смерти, рока. Дух свободы и любви, как правило, и воплощает герой-изгой (или странник, или пришелец, или беглец)» [8: 39]. Таким образом, возможно выявить границы романтического мировоззрения (и базовые особенности вы-

ражающего данное мировоззрение романтического художественного текста).

Романтический художественный текст – текст, в котором главной темой является трагический конфликт между «Я» и «Не-Я». Если в художественном тексте вообще не рассматривается тема трагического конфликта между «Я» и «Не-Я», либо если она признаётся малосущественной, второстепенной, либо если конфликт между «Я» и «Не-Я» показывается как конфликт разрешимый и (или) нетрагический, это означает, что данный текст не есть романтический текст, поскольку в нём отсутствует романтическое мировоззрение, являющееся смыслообразующим атрибутом и базисом романтизма. Если тема трагического конфликта между «Я» и «Не-Я» присутствует в художественном тексте частично, это даёт возможность выявить отдельные элементы романтизма (романтического мировоззрения), содержащиеся в тексте в тех или иных объёмах и пропорциях.

Это же положение позволяет уверенно ответить на вопрос: возможен ли «романтизм вне романтизма», романтизм за пределами конкретно-исторического направления? Конечно, возможен – как проявление романтического **мировоззрения**. Ведь мировоззрение не бывает ограничено временными рамками; люди определённым образом воспринимали мир в эпоху Пушкина и Лермонтова, но ничто не мешает им воспринимать мир точно таким же образом в наше время. Степень распространения романтического мировоззрения в обществе всегда детерминирована предпосылками культурного, идейного, психологического, социального и даже прямо политического характера (собственно говоря, такими же предпосылками был детерминирован и конкретно-исторический романтизм). Однако привязывать концепт «романтизма» к реалиям одной и только одной истори-

ческой эпохи было бы ошибочно.

Если сейчас, в наше время автор пишет текст, в котором главной темой становится трагический конфликт между «Я» и «Не-Я», какое определение возможно подобрать к этому тексту? Существует уже готовое оптимальное определение – мы можем сказать: «Это романтизм». К тому же глубинные установки романтического мировоззрения имеют свойство притягивать к себе внешние специфические атрибуты романтического дискурса – тем самым романтическая дискурсивность обретает мгновенную узнаваемость.

Чётко выделяются три основополагающих признака (три маркера) романтического мировоззрения:

1. Бытие чётко разграничивается на два антагонистических начала – на «Я» и «Не-Я» («романтический дуализм»).

2. Самостоятельность «Я» обеспечивается безусловным признанием свободы «Я» («романтическое свободоположение»).

3. Центральным предметом рефлексии авторского сознания становится трагическое взаимодействие между «Я» и «Не-Я» («романтический конфликтоцентризм»).

По этим трём признакам (маркерам-показателям) возможно без особого труда определить романтическое мировоззрение, отличить его от неромантического, выявить романтические произведения культуры и литературы на неромантическом фоне, устанавливать рамки романтических тенденций в общекультурном или литературном процессе, исследовать специфически романтические сюжетобразующие моменты по компаративистской методологии, устанавливать жанровые соответствия в общем поле романтизма, изучать особенности романтического героя, романтического конфликта, романтической проблематики, романтической образности.

Примечания:

1. Белинский В. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Сочинения Александра Пушкина. М.: Худож. лит., 1980. 678 с.
2. Анкудинов К. Спор о новом романтизме. Концепт «романтизма после романтизма в советской журналистике и литературоведении 60-80 гг. XX века // Литрос. М., 2009. № 10. С. 159-165.
3. Киреева А. Методологические предпосылки изучения романтизма // Из истории русского романтизма. Кемерово, 1971. 325 с.
4. История романтизма в русской литературе. М.: Наука, 1979. 237 с.
5. Григорьян Н. Судьбы романтизма в русской литературе // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. 317 с.
6. Берковский Н. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-Классика, 2001. 512 с.
7. Abrams M. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition. Oxford, 1953. 429 p.
8. Керашева Ф. Тема пути в творчестве М. Ю. Лермонтова // Вестник Адыгейского государственного. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. Вып. № 4. С. 37-41.

References:

1. Belinsky V. Collected works: in 9 v. V. 6. Alexander Pushkin's works. M.: Khudozh. lit. 1980. 678 pp.
2. Ankudinov K. Dispute on new romanticism. The concept of «romanticism after romanticism» in the Soviet journalism and the study of literature of the 60-80es of the XX century // Litros. M., 2009. No. 10. P. 159-165.
3. Kireeva A. Methodological preconditions of romanticism study // From the history of the Russian romanticism. Kemerovo, 1971. 325 pp.
4. History of romanticism in the Russian literature. M.: Nauka, 1979. 237 pp.
5. Grigoryan N. Destinies of romanticism in the Russian literature // The Russian romanticism. L.: Nauka, 1978. 317 pp.
6. Berkovsky N. Romanticism in Germany. SPb.: Azbuka-Klassika, 2001. 512 pp.
7. Abrams M. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition. Oxford, 1953. 429 pp.
8. Kerasheva F. The theme of way in M.Yu. Lermontov's works // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2009. Issue No. 4. P. 37-41.